

всебічно проаналізувати текстотворчі функції категорії часу. Досліджувана проблема є актуальною з позиції граматики тексту, оскільки газета є не єдиним текстом, а системною сукупністю текстів, об'єднаних єдністю часу і місця породження, єдиним ідейним змістом, і що мають власну модель побудови. Дослідження структурної і змістовної організації тексту поставило на порядок денний серед інших проблем також проблему темпоральної організації тексту. Дані, отримані в результаті дослідження темпоральної структури тексту інтерв'ю газети "Berliner Morgenpost", представляють інтерес з погляду виявлення взаємобумовленості між функціонально-смісловими типами мови або системою функціонально-сміслових типів мови, що визначають композицію публіцистичного жанру, і темпоральною моделлю відповідних текстів. Звичайно, не можна категорично стверджувати, що існує жорсткий, однозначний зв'язок між певними функціонально-смісловими типами мови, з одного боку, і вживанням тієї або іншої тимчасової форми, з другого. Проте, відносна визначеність темпорального оформлення різних функціонально-сміслових типів мови стосовно певного жанру тексту, безперечна.

Ключові слова: темпоральна структура тексту; текстотворча функція категорії часу; функціонально-сміслові типи мови.

Kobalia L. The temporal structure of the interview text of the newspaper publicism (according to the newspaper "Berliner Morgenpost").

The information about the text temporary structure at present is quite fragmentary, accumulating itself in linguistics due to the latest researches into the tense category, on the one hand, to the study of the genre and functional-semantic peculiarities of the temporal structure of different types of texts, on the other, and lastly, in connection with the problem of the functional-semantic types of speech and the consideration of the use of tenses as one of the structural grammatical features of a functional-semantic type of speech.

The goal of the research is to substantiate the methods of analysis of the temporal structure of the interview text of the newspaper "Berliner Morgenpost", to illustrate the norm of tense usage in the given genre of the newspaper publicism and to analyse comprehensively the text-forming functions of the tense category. The analysed problem is actual from the viewpoint of the text grammar as the newspaper is not an indivisible text but a systematic complex of texts joined by the singleness of time and place of origin, the general idea content and their own formation pattern.

The structure and content analysis of the text among other problems raised the problem of the temporal organization of the text. The results of the investigation of the temporal structure of the interview text of the newspaper "Berliner Morgenpost" are of interest from the standpoint of exposure of the interconditionality of functional-semantic types of speech, or the system of functional-semantic types of speech, determining the composition of the publicistic genre and the temporal pattern of the corresponding texts.

Of course, it can't be categorically maintained that there is a rigid unambiguous connection between the functional-semantic types of speech, on the one hand, and the use of a certain tense form, on the other. However, the relative definiteness of the temporal shaping of different functional-semantic types of speech as applied to a particular genre of a text is doubtless.

Keywords: a temporal structure of the text; a text-forming function of a tense category; functional-semantic types of speech.

Ковальчук И. М.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

ОБРАЗЫ СРАВНЕНИЯ В ЗАГОВОРАХ НА ДОСТИЖЕНИЕ ЖЕЛАЕМЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДОЛЖНИКА И КРЕДИТОРА

В статье проанализированы образы сравнения, представленные в компаративных конструкциях заговоров на достижение желаемых взаимоотношений должника и кредитора, в сопоставлении с устойчивыми сравнениями.

Ключевые слова: разговорный текст, сравнение, образ сравнения.

Язык заговорных текстов до настоящего времени исследовался лишь фрагментарно. Его изучению на уровне одного из лексико-грамматических разрядов, в частности онимов, посвящены работы О. А. Черепановой и А. В. Юдина. Так, А. В. Юдиным составлен “Ономастикон русских заговоров”, а О. А. Черепанова установила мотивационную связь греческих имен и названий лихорадок-трясавиц в русских народных заговорах и заклинаниях.

Описанию лексического состава заговоров посвящены работы Н. В. Гульяевой, Л. Р. Гильмутдиновой; роль слова в заговоре изучала Т. В. Цивьян. Одним из основных образных средств заговоров является сравнение, которое тем не менее до сих пор не было объектом специального лингвистического исследования.

Целью нашей статьи является исследование образной системы сравнений русских заговоров на достижение желаемых взаимоотношений должника и кредитора.

Классифицируя заговорные тексты, Е. Н. Елеонская выделяет в отдельную группу “заговоры, которые должны защищать *от недругов* <...>; привлекать *почет* или *милость* на говорящего <...>; возбуждать любовь *женщины*” [3, с. 120]. Практически все заговоры, направленные на регулирование межличностных отношений, относили к любовным. В то же время, “существенное место занимают тексты, призванные воздействовать на власть предрержащих: судей, командиров, начальников, помещиков, разного рода чиновников” [7, с. 183], которые относят к заговорам социальной направленности. К этой же группе мы относим и заговоры на достижение желаемых отношений должника и кредитора.

Взаимоотношения должника и кредитора описаны в сравнениях заговоров и с позиции того, кто дает займы, и того, кто берет в долг. Следует отметить, что в магических текстах этой подгруппы отражены противоположные заповеди Ветхого и Нового Заветов. Выбор заповеди напрямую зависит от того, чьи интересы защищаются. Если кредитор желает вернуть долг, то текст заговора фиксирует ветхозаветные нравоучения: “ <...> всякий заимодавец, который дал займы ... с иноземца взыскивай” [1, с. 184], выпуская при этом слова “ближнему своему прости свой долг” [1, с. 184]. Заговоры, в которых действующим лицом является должник, опираются на поучительную речь Иисуса в Новом Завете: “ вы ... займы давайте, не ожидая ничего” [1, с. 1092].

В этой подгруппе заговоров представлены следующие образы: немой, ханское войско, Мать Мария, змея Скоропея, лучина.

Должник сравнивает кредитора с **немым**: (получить отсрочку по долгам) *Как немые молчат, не кричат, так бы и раб Божий (имя) насчет долга молчал* [6, с. 449]. Компаративная конструкция демонстрирует желаемое отношение к тому, кто должен: не беспокоить напоминанием о долге. Использование одного и того же слова в его разных значениях в одном контексте – традиционный прием достижения цели: глагол *молчать*, характеризующий действия образа, используется в прямом значении – “1. Ничего не говорить, не издавать звуков голосом” [2, с. 554], в отношении же предмета сравнения он употреблен в значении “не рассказывать, не говорить о ком-

чем-либо” (там же). И в сравнениях заговоров, и в устойчивых сравнениях основанием сравнения с немьм служит невозможность вербального общения с ним.

На фоне непростых отношений, которые складываются между должником и кредитором, закономерным кажется сравнение последнего со змеей как олицетворением опасности, однако в заговорном тексте кредитор сравнивается не просто со змеей, а со змеей **Скоропеей**¹: (получить отсрочку по долгам) *Идет святой старец, у него золотой палец, на пальце висит змея.. Змея Скоропея на палец не шипит, жалом своим пальцу не грозит, кровь из пальца не пьет, жизни у старца не берет. Так бы и раб Божий (имя) на меня не шипел, не грозил, денег своих с меня не требовал, не просил, громким криком на меня не кричал, кулаком о стол не стучал* [6, с. 449]. Следует отметить, что в рассматриваемом сравнении заговора данный образ используется в несвойственной для него роли миролюбивого существа, хотя в других заговорах – это “змея с тридцатью пятнами, с тридцатью полосами, с огненным жалом” и т.д. Соответственно используется несвойственное для данного образа основание сравнения – отсутствие негативного отношения кого-либо к кому-либо. Формируется оно за счет отрицания природных свойств змеи (шипения и агрессии). Кроме основного значения глагола *шипеть*, в сравнении заговора актуализируется его ЛСВ₂ – “Ворча, выражать свое неудовольствие кем-, чем-л.” [2, с. 1497]) с негацией (*не шипит, не шипел*).

Сам кредитор сравнивает себя с **ханским войском**: (чтоб должник вернул деньги) *Как ханское войско дань собирало, людей за деньги убивало, не щадя ни седого, ни молодого, так и я замок закрыла, ключ в могилы зарыла, забрала долг или убила* [6, с. 450]. В образе ханского войска актуализируется культурно-исторический компонент, на базе которого и формируется основание сравнения. Основание сравнения – способность добыть, получить, что-нибудь любым путем – опирается на могущество, силу, беспощадность образа, т.е. его качественные свойства.

Словари устойчивых и народных сравнений данный образ не фиксируют.

Кредитор сравнивает должника с **Матерью Марией**: (возвращение долга) *Встал Иисус Господь поутру, Отцу своему помолился, трижды перстом перекрестился. Стал ключевой водой умываться, да нечем Ему утираться. Матерь Мария скоро-скоро пришла, полотенце Христу принесла. Так бы и должники мои (имена) принесли мне, рабу Божию (имя), долг, весь до копеечки* [6, с. 448]. Основание в таком сравнении формально базируется на сходстве действий предмета и образа сравнения в плане обязательности и скорости, не затрагивая материнские качества последнего. Однако имплицитно эта характеристика присутствует: мать обязательно и быстро сделает то, что должна сделать по отношению к своему ребенку. Подобная компаративная конструкция не встречается среди устойчивых сравнений.

Заговор с целевой установкой вернуть долг может быть направлен на ухудшение физического состояния должника. В этом случае образом сравнения

¹ Змея, обитающая в лесу, в поле, наделенная сверхъестественными свойствами; властвующая над другими змеями (лесными, кустовыми, болотными, боровыми, колодными и т. п.) [5].

выбирается предмет, легко поддающийся внешнему воздействию, в результате которого уничтожается. Один из таких образов – **лучина**. Это слово в значении “щепка, укреплявшаяся в светце и употреблявшаяся в старину для освещения крестьянской избы” [2, с. 508] в современном русском языке воспринимается как историзм. В прямом номинативном значении “тонкая щепка сухого дерева” [там же] оно тоже употребляется нечасто (обычно заменяется словом *щепка*), но именно внешние признаки предмета являются основой сравнения с лучиной, зафиксированного в словаре В. М. Мокиенко: “О каком-л очень тонком, удлинённом предмете. ... О крайне худом, костлявом, истощённом человеке” [4, с. 363].

В сравнительной конструкции заговора, например, (заставить вернуть долг) *Как лучина горит, так и ты, раб Божий (имя), будешь тлеть и гореть* [6, с. 451] – основанием сравнения является медленное прекращение существования. В отношении предмета сравнения используются два глагола – *гореть* и *тлеть*, второй из которых в прямом значении уточняет “способ горения”: “гореть без пламени, слабо гореть” [2, с. 1326] (в первой части сравнительной конструкции он представлен имплицитно). Однако и в этом заговоре используется столкновение разных значений многозначных слов: глагол *тлеть* имеет значение “4. Слабо, еле заметно проявляться (о жизни, чувстве); теплиться” [2, с. 1326], а глагол *гореть* употребляется в значении “быть в жару, в лихорадочном состоянии” [2, с. 219].

Таким образом, в компаративных конструкциях заговоров **на достижение желаемых взаимоотношений должника и кредитора** сравнению подвергается либо должник, либо кредитор. Выбор образа сравнения зависит от того, кто произносит заговор: кредитор сравнивает должника с Матерью Марией, с лучиной, а себя – с ханским войском; должник сравнивает кредитора с немым, со змеей-Скоропеей. При этом в тех конструкциях, где предметом сравнения выступает кредитор, детерминирующим свойством образов является отсутствие речевых (коммуникативных) функций.

Л и т е р а т у р а :

1. Библия. Книга священного писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Издание Московской патриархии, 1992. – 1372. – С. 28.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : “Норинт”, 2006. – 1535 с.
3. *Елеонская Е. Н.* Сказка, заговор и колдовство в России / Е. Н. Елеонская : сб. тр. / [сост. и вступ. ст. Л. Н. Виноградовой ; отв. ред. А. Л. Топорков]. – М. : Индрик, 1994. – 270, [1] с.: ил. – (ТДКС Традиционная духовная культура славян. Из истории изучения).
4. *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО “ОЛМА Медиа Групп”, 2008. – 799 с.
5. Персонажи русской мифологии от Тулеи до России / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://imennik.narod.ru/Sirin-Skoropeya_zmeiya.html
6. *Степанова Н. И.* 5000 заговоров сибирской целительницы / Наталья Ивановна Степанова. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2006. – 864 с.
7. *Топорков А. Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV – XIX вв.: История, символика, поэтика / Андрей Львович Топорков – М. : “Индрик”, 2005. – 480 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Ковальчук І. М. Образи порівнянь у замовляннях на досягнення бажаних взаємин боржника і кредитора.

У статті розглянуто образи порівняння компаративних конструкцій, що використовуються у російських замовляннях на досягнення бажаних взаємин боржника і кредитора, в зіставленні із загальноновживаними порівняннями.

Ключові слова: замовляння, порівняння, образ порівняння.

Kovalchuk I. Comparison's image in spells of achievement the desirable mutual relations of the debtor and the creditor.

Comparison's image which are used in the Russian spells "of achievement the desirable mutual relations of the debtor and the creditor" are considered in the article, comparing with cliché comparisons.

Keywords: spells, comparison, comparison's image.

Колодько М. К.

Інститут філології КНУ імені Тараса Шевченка

КОМПЛІМЕНТ І ПОХВАЛА В СУЧАСНІЙ ЛІНГВОПРАГМАТИЦІ

У статті розглянуто компліментарні висловлювання та похвала у сучасній лінгвопрагматиці; проаналізовані способи вживання компліментів; подана структура та різновиди похвали з яскравими прикладами.

Ключові слова: лінгвопрагматика, компліментарні висловлювання, висловлювання похвали, мовленнєва діяльність, комунікативна поведінка мовця.

Важливою запорукою успішного спілкування з носіями іноземної мови і, відповідно, представниками іншої культури є обізнаність щодо певних мовних й мовленнєвих факторів, які впливають на свідомість людей іншої нації. Аналіз мовленнєвих ситуацій іншомовної культури, порівняння їх з відповідниками рідної мови дійсно сприяє подоланню труднощів у комунікації з іноземцями. А відтак у статті пропонується розгляд таких мовленнєвих актів як комплімент і похвала.

Комплімент в англійській культурі становить важливий прошарок мовленнєвих актів, і дослідження структури, прагматичного значення та частотності вживання даних мовленнєвих одиниць дозволяє відкривати нові перспективи у спілкуванні з носіями британської культури поряд із пізнанням нових аспектів у специфіці мислення представників англійської культури, їх уявлень про етикет, щирість та ввічливість [2, с. 85].

Комплімент – це важлива складова мовленнєвого спілкування носіїв англійської мови (британців і американців), яка впливає на характер міжособистісних стосунків комунікантів, ступінь їх взаєморозуміння, й, відповідно, на успішність комунікації в цілому. Комплімент як лінгвістично специфічне та культурно-специфічне висловлювання з метою похвалити когось чи зробити комусь приємність, є досить важливим елементом у спілкуванні представників англійської культури. Адже позитивна оцінка мовця, його позитивна реакція на певний предмет чи особу, а також прагнення мовця принести задоволення адресату і тим самим виявити своє прихильне